

Д. В. Мосяков¹

КОНТУРЫ ГЛОБАЛЬНОГО МИРА: СТРАНЫ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ МЕЖДУ ПЕКИНОМ И ВАШИНГТОНОМ

Сегодня страны Юго-Восточной Азии, объединенные в блок АСЕАН, переживают очень сложный период своей истории, когда вызовы их единству, сплоченности и процветанию высоки как никогда раньше. От фундаментальной для этого блока идеи независимости региона, его освобождения от преобладающего влияния внешних сил к настоящему времени почти ничего не осталось. Речь сейчас идет не о вытеснении иностранного влияния и утверждении так любимого в этом блоке принципа «АСЕАН сентралити», а о выживании АСЕАН как целостной и сплоченной региональной организации в условиях, когда борьба двух ве-

ликих держав США и Китая за доминирование в Юго-Восточной, а шире — в Восточной Азии становится все более жесткой и принципиальной.

Отправная точка этой борьбы — начало 1990-х годов, когда усилившийся Китай под лозунгом возвращения территорий и влияния, которые он якобы потерял в так называемую эпоху исторической слабости, стал активно продвигаться в этот регион. Самим естественным ходом вещей такая политика на деле означала постепенное вытеснение США как традиционно доминирующей там после окончания Второй мировой войны военной, торгово-экономической и социокультурной силы.

США не сразу осознали масштабы намерений Китая, поэтому в 1974 году, когда китайские войска захватывали Парасельские острова, где оборонялись их ближайшие на тот момент союзники — южновьетнамцы, ничего не сделали, чтобы помочь им удержать эти островные территории. В тот момент после подписания Шанхайского коммюнике и встречи Никсона и Киссинджера с Мао и Чжоу Эньлаем в Вашингтоне рассчитывали на расцвет так называемой *engage policy*, то есть политики втягивания Китая в сферу американских интересов. Для американского руководства

¹ Руководитель Центра изучения Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании Института востоковедения РАН, доктор исторических наук, профессор. Заведующий кафедрой регионоведения Московского гуманитарного университета. Автор более 150 научных публикаций, в т. ч. монографий: «Новая и новейшая история. Модернизация и глобализация восточных обществ», «Социально-политическое развитие Камбоджи в XX веке. Деревня и власть», «История Юго-Восточной Азии», «Юго-Восточная Азия: проблемы формирования цивилизационной общности», «История Камбоджи. XX век», «Политика Китая в Юго-Восточной Азии в прошлом и настоящем» и др. Организатор проекта «Мониторинг современной истории стран Юго-Восточной Азии», читает учебные курсы в Казанском государственном университете, Йельском университете (США), Университете Хосэй (Япония) и др. Член редколлегии журнала «Азия и Африка сегодня».

в той ситуации отношения с Китаем, который разрешил США установить свои станции слежения за запущенным советскими ракетами с Байконура на территории Синьцзяна, казались намного важнее защиты кучки полузаброшенных островов.

Только позже в Вашингтоне осознали, что захват Парасел имел для китайского флота огромное значение — дорога китайским ВМС дальше на юг, на острова Спрагли, оказалась открыта. Там они на рубеже 1980–1990-х годов стали захватывать один риф за другим, формируя плацдарм для своего военного присутствия в Юго-Восточной Азии. При этом процесс китайского продвижения носил, если так можно сказать, во многом дискретный характер: после каждого очередного прыжка на юг следовали переговоры со встревоженными китайским продвижением странами АСЕАН, подписание китайцами с ними правил поведения в ЮВА и даже декларации о безопасности в регионе.

Давление в акватории Южно-Китайского моря сочеталось с проведением активной экономической экспансии, когда Китай предлагал странам АСЕАН крайне выгодные экономические проекты. Суть китайского подхода можно назвать «политикой кнута и пряника». С одной стороны, непрерывное военное давление, связанное с появлением китайских рыбаков под прикрытием военных судов в районах рифа Миссиф (Филиппины), островов Натуга (Индонезия) — зонах контроля со стороны Вьетнама. С другой стороны, активное продвижение в сфере экономики, ядром которого стала реализация идеи зоны свободной торговли КАФТА (Китай–АСЕАН). Успех здесь оказался очень значительным. В 2005 году взаимный товарооборот Китая и стран АСЕАН превысил 100 млрд долларов. В 2006 году он достиг 160,8 млрд долларов, а в 2010-м возрос до 292,8 млрд. В 2013 году объем товарооборота с АСЕАН достиг 443,6 млрд долларов, а к 2020-му стороны планируют довести его до 1 трлн долларов. Китай уверенно держится на первом месте среди основных торговых партнеров АСЕАН, которая для КНР — третий по величине торговый партнер, четвертый рынок экспорта и второй — импорта. Проблема в таком сотрудничестве состоит в том, чтобы найти ту точку, когда можно будет этот экономический потенциал и верховенство Китая как главного экономического партнера АСЕАН безболезненно конвертировать и перевести в сферу собственно политического доминирования. Китай уже не раз пытался это сделать, но особых успехов не добился. Страны АСЕАН стараются сохранить свободу маневрирования, и поэтому потолок перехода экономического влияния в политическое для Китая все время повышается. Максимум, на что готовы пойти наиболее сильные страны АСЕАН, так это на ритуальное подписание соглашения об особом взаимном партнерстве с КНР, которое ни к чему их не обязывает.

Попытки стран АСЕАН вести свою игру и противостоять китайской экспансии вызывают подчас неприкрытое раздражение в КНР. Особенно злит Пекин непрерывная апелляция части асеановских элит к США в поисках защиты и контрбаланса, а также призывы

к внутренней сплоченности и единству, о чем почти непрерывно говорят асеановские политики, особенно представители самой крупной и влиятельной страны региона — Индонезии. В сфере экономики асеановцы предпринимали попытки разбавить зону свободной торговли с Китаем другой более широкой зоной свободной торговли, причем так, чтобы Китай был зависим от других стран-партнеров АСЕАН в лице Японии, Южной Кореи и даже Австралии.

Некоторое время назад Китай безуспешно пытался использовать проект Меконга в качестве еще одного направления продвижения в регион. Однако и здесь китайские предложения об инвестициях и строительстве новых плотин встретили очень настороженно, тем более что это именно Китай, построивший шесть крупных плотин на Верхнем Меконге, серьезно сократил объемы зимнего стока и ухудшил условия судоходства на реке. Более успешен Китай оказался в двусторонних отношениях, особенно с такими наиболее бедными странами АСЕАН, как Камбоджа и Лаос. Более того, сегодня электоральная революция в странах АСЕАН явно играет за Китай, ограничивая роль старых и традиционных политических элит и кланов, открывая дорогу популистам и прагматикам вроде Таксина Чинавата в Таиланде или нынешнего филиппинского президента Дутерте. Основа китайского влияния здесь — выгодные кредиты, увеличение товарооборота и местного производства, плюс огромная роль местной китайской диаспоры.

Следует сказать, что американцы оказались явно не готовы к такой активности Китая. Они задержались со своим историческим поворотом в Азии, с идеей формирования так называемого тихоокеанского дома. Более того, под влиянием призывов филиппинских политиков и писем сингапурских бизнесменов, в которых капитаны сингапурского бизнеса буквально умоляли США вернуться, в Вашингтоне возникло ощущение, что возвращения Америки в регионе ждут, что при наличии политической воли и не очень больших финансовых затрат удастся создать из приграничных с Китаем стран АСЕАН так называемый санитарный кордон на пути китайской экспансии. В теории Филиппины, Вьетнам, Таиланд и Бирма должны были противостоять этой экспансии, опираясь на поддержку США. Тем самым США получали мощный рычаг давления на Китай.

Во всех этих странах американцы действуют чрезвычайно активно. Так, например, во время прошлогоднего визита президента Обамы на Филиппины было подписано соглашение о военном присутствии американских войск, чем была подчеркнута приверженность американцев заключенному еще в 1951 году договору безопасности, по которому они обязывались защищать филиппинский суверенитет. В Таиланде они оказывают непрерывное давление на власть, пытаются ускорить уход от власти таиландских военных и передать ее гражданскому правительству. В Бирме они, играя на страхах военной верхушки относительно экспансии КНР, активно продвигают свою креатуру Аун Сан Су Чжи — нобелевского лауреата и убежденного друга США — на роль неформального лидера бирман-

цев, а ее друга — на пост президента страны. Они же подталкивают бирманских военных к обострению конфликтов на границе с Китаем. Последние столкновения в районе Коканга, когда почти 40 тыс. китайских переселенцев вынуждены были уйти на китайскую территорию из-за обстрелов бирманской артиллерии, свидетельствуют о том, что и здесь американцам удастся настраивать правящие круги против КНР и постепенно продвигать свой курс.

Сегодня, однако, явно складывается ощущение, что страны АСЕАН использовали США для выстраивания собственной системы контрбалансов. Ни о каком санитарном кордоне и речи нет, более того, если раньше можно было достаточно четко определить американских союзников — Филиппины и Таиланд, а также Сингапур, то сегодня это сделать невозможно. Есть страны АСЕАН, настроенные на поиски баланса отношений с США и Китаем, и есть страны вроде Камбоджи, которая является, по сути, главным проводником китайских интересов внутри блока АСЕАН.

Сегодня даже Вьетнам, который, казалось бы, еще недавно был на грани превращения в регионального союзника США, вновь возвращается к многовекторному курсу внешней политики и ищет балансы в отношениях с США и Китаем. Особенно это заметно в сфере экономики. Сегодня взаимная торговля Вьетнама и США превысила 36 млрд долларов, причем

первый имеет в этой торговле значительный профицит (около 80 % — это вьетнамский экспорт), что позволяет несколько сбалансировать дефицит вьетнамской торговли с Китаем (общий товарооборот — 54 млрд долларов). Американские инвестиции во Вьетнам превышают 11 млрд долларов, но они существенно меньше китайских. Трудно сказать, как долго Вьетнам сможет усидеть на «двух стульях», но пока эта страна, как и другие страны АСЕАН, вполне успешно балансирует между интересами государств, которые, собственно, и формируют основные контуры современного мирового порядка.

В то же время нельзя не отметить, что, так сказать, контригра АСЕАН, которая сумела вернуть в регион США и выстроить довольно успешную систему сдержек и противовесов между двумя полюсами в лице Вашингтона и Пекина, представляется очень рискованной. Американское военное присутствие в регионе растет, и последние заявления президента Трампа показывают, что этот процесс будет и дальше продолжаться. Но растет и китайское влияние, причем у Китая ставка делается на современные подводные лодки, а у США — на авианосные соединения. Ставки в вооруженном противостоянии все время растут, и не факт, что страны АСЕАН смогут и дальше влиять на ситуацию в регионе в своих интересах, а тем более держать ее под контролем.